

Категория школы стала в последнее время одной из наиболее привлекательных, видимо, в силу своей парадоксальности: в ней отчетливо слышны как мотивы традиции и укорененности, так и претензия на захват тех или иных ареалов грядущего – уже у в силу инерции, предполагаемой мощи исторического тренда. Однако в «школах» сего дня нет ничего натурального, их действующие конфигурации оттого и действуют заметное время, что были спроектированы и достаточно искусно введены в известные тенденции современности. Увы, нередко смена тенденций происходит чрезвычайно быстро, не оставляя особых ресурсов идеям, ориентированным на традицию и ценности существования – а в архитектуре сегодня востребованы именно такие. Эти перипетии времени и места обсуждаются в статье на материале, полученном в ходе разработки концептуальных оснований архитектурной школы Центрального Черноземья.

Ключевые слова: архитектурная региональная школа; содержание архитектурного образования; организационная форма архитектурного образования; регион; регионалистика; архитектурное проектирование. /

The category of schools has recently become one of the most attractive. It may be due to its paradoxical features: it contains both the tunes of tradition and rootedness and the pretensions to capture certain areas of the future – already under its own inertia and the would-be power of the historical trend. However, today's "schools" have nothing natural; their current configurations remain in force for quite a long time because they were designed and rather skillfully introduced into the well-known present trends. Unfortunately, changes in trends occur too quickly to leave special resources for ideas that are focused on traditions and values of existence and are in highest demand in contemporary architecture. These twists of time and place are discussed in the given article based on the studies of conceptual foundations for the architectural school of the Central Black Earth Region.

Keywords: regional architecture school; content of architectural education; organizational form of architectural education; region; regional studies; architectural design.

Региональные школы: от проектов к надеждам / Regional schools: from projects to hopes

ТЕКСТ

Петр Капустин /
text
Petr Kapustin

Проблема идентификации школы

Россия обладает выдающимся разнообразием ландшафтом, охватывает несколько климатических зон, располагает множеством культурных, научных, технологических центров, крупными и крупнейшими городами, самобытными национальными ареалами. Различия локусов друг от друга на широкой карте страны не подлежат сомнению, равно как и вариации способов отношения к природному и антропогенному окружению, к освоению и артикуляции пространства. Архитектура и градостроительство по факту присутствия их в хозяйственной активности традиционно признают наличие разнообразия, привычно выдвигают местные особенности в ранг значимых для себя факторов формообразования и даже стилеформирования. Однако до сих пор крайне затруднительно предъявить некоторую концептуальную, идейную целостность, о которой можно было бы с уверенностью сказать: это и есть региональная архитектурная школа, принципиально непохожая на соседние или даже отдаленные. Глобализм и унификация делают свою серую работу. Школы присутствуют морфологически, по факту наличия, но самобытность содержания остается проблемой. Категория школы предполагает легко опознаваемую суверенность принципов и идей, но также и устойчивую воспроизводимость этих принципов и идей в стремительно меняющихся условиях современной жизни. Естественный дефицит интенсивной и масштабной концептуально-теоретической работы, распыленность ресурсов, прежде всего интеллектуальных, привычная ориентация на образы и прототипы, созданные центральными архитектурными школами, косность общеобразовательных систем и, наконец, недостаток организационной инициативы – все это выступало и до сих пор выступает (хотя и уже в ином смысле, о котором ниже) реальным препятствием к складыванию автономных региональных архитектурных школ.

Внимание к этнографическим или тем паче к природно-климатическим особенностям, которое и до сих пор нередко ставится в центр поисков региональной идентичности, сколь-либо значимого отношения к обсуждаемой проблеме не имеет. Стилизаторский регионализм в отношении «современного движения» уже продемон-

стрировал в свое время убогость ресурсов подобных фигур самоопределения. Разумеется, ориентация на морфологические и символические реалии места – элементарная составляющая современной проектной культуры, вне которой нет ни сообразного проектирования, ни культуры вообще. Однако пора признать: подчеркнуть внимание к таким вещам проистекает от недостатка возможностей обсуждать действительно принципиальные вопросы. Разговоры об «учете» и «выражении» в архитектурных решениях региональных особенностей – разговоры в пользу бедных. И здесь ни в коем случае нет ничего персонально обидного: мы все, все архитектурное образование в целом, находимся практически в ситуации жесточайшего дефицита идей и средств концептуального прорыва того самого непробиваемого щита, которым до сих пор надежно (но, видимо, уже не столь равномерно) покрыта карта архитектурных школ страны. Проблема присутствия в концептуальном пространстве образования до сих пор остра.

Хартия МСА/ЮНЕСКО по архитектурному образованию, получившая подтверждение и в последующих документах, гласит: «Методы образования архитекторов разнообразны, и это составляет культурное богатство, которое должно быть сохранено» [1]. Эта установка непосредственно обращает наше внимание на... нетривиальное: на гуманитарное содержание архитектурно-градостроительной проектной культуры. В нем, в гуманитарном, но отнюдь не в естественно-научном, инженерном и даже художественном (так легко подпадающем под вкусовые веяния и моды) стоит искать основания идентичности.

Уже универсалистские притязания архитектурного, градостроительного и дизайнерского проектирования в середине XX века вынудили остро ставить проблему регионального самоопределения, еще более обостряющуюся в процессе глобализации. Однако лишь к нашему времени стало понятно: обнаружение региональных качеств проектной культуры как основания проектного действия, адекватного целям и ценностям развития региона, возможно вовсе не путем имитации местных традиционных морфологических или символических характеристик пространства или формы, но посредством выявления культурных значений и феноменологических свойств

^ Воронежская область, Костомарово

^ Ландшафты Центрального Черноземья. Воронежская область, Дивногорье

тех объектов и проектных идей, которые, собственно, и создали образ региона, его *genius loci*. Поскольку подобные исследования требуют обращения к методологии гуманитарного знания, то весь выявляемый план знаний, значений и представлений, не выявляемых никаким иным способом, может быть назван гуманитарным содержанием проектной культуры. Задача осознания и сознательного развертывания гуманитарного содержания проектной культуры предстает сегодня в качестве наиболее актуального направления развития архитектуры, дизайна и других проектных практик в русле гуманистических и социально-экологических ценностей. И это прежде всего задача изменения и развития содержания архитектурного образования, освоения им нового корпуса понятий и представлений, методов и средств.

Ландшафт и метод освоения пространства

Н. А. Бердяев тесно связывал характер российского самосознания с пространственным, географическим положением страны. Он писал: «Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа» [2, с. 2]. Но для Бердяева эта проблематика не сводится к проявлениям «демона российской государственности», о котором, например, столь ярко писал Даниил Андреев в своей знаменитой «Розе Мира». Бердяев делает парадоксальный ход, который, как нам кажется, в новом свете представляет интересующую нас здесь проблему – проблему метода творческого действия по организации пространств человеческой жизни, специфичного для российской культуры. Он продолжает: «Гений нормы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы... Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ и эта безграничность не освобождает, а порабощает ее. И вот духовная

энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность.... Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры (выделено нами. – Авт.). От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности [2, с. 2]. Именно это соотношение экстенсивности и внутренней созерцательной сосредоточенности дают базовые черты российского характера и российского отношения к пространству, неизбежно выражающиеся и в российской архитектурно-градостроительной традиции (об этом см., например, у Ф. Разумовского [3, 4]).

При всей значимости для архитектурно-пространственного опыта категории «место» и при всей ее роли для выстраивания оппозиции глобализму необходимо осознать двойственность отношения к этой категории в российском мировосприятии. Вышесказанное – в самых общих чертах – может быть выражено в следующей схеме. На локальной территории российский духовно-пространственный тип способен порождать культурные ценности, способен находить для них уникальные средства и способы выражения, не уступая в этом западным и восточным типам. Но он не отождествляет себя с территориальной локальностью, как бы «не вмещается» в нее и всегда имеет потенции развития, развертывания в иные локальности, в иные пространства и ситуации. То есть отсутствие интенсификации в методе освоения пространства компенсируется, с одной стороны, умением организовать волю «по месту», а с другой – экстенсивностью действия и связанной с ним гибкостью перестройки инструментария действия, широтой «палитры» деятельностных средств.

Эти выводы имеют принципиальное значение, поскольку ясно показывают, какие черты российского пространственного самосознания и характера составляют силу творческого метода освоения пространства и создания среды обитания в нашем регионе, а какие требуют дополнительной и специальной педагогической заботы. Об этом пишет и Бердяев: «Власть шири над русской

душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны... Вопрос об интенсивной культуре, предполагающей напряженную активность, еще не делался для него (российского самосознания) вопросом жизни и судьбы» [2, с. 2].

Видимо, культурная и проектная рефлексия подобных суждений, в том числе и опровергающая их ригоризм, остается основным инструментом в обсуждаемой нами теме. Географический детерминизм сегодня непопулярен, однако иных внятных оснований для понимания различий в отношении к пространству до сих пор нет, а значит, остается справедлив тезис: «Природа – главный козырь регионов в борьбе за человеческий капитал» [5]. Богатство и разнообразие природного (естественного), осмысленное в ценностном и целевом контекстах (искусственное) остается стержнем поиска действенных опор для обновления практик работы с большими локусами, такими как область или край, – опор, хоть сколь-либо отличных от всеобщего нормативного горизонта архитектурно-градостроительной деятельности.

Районирование как унификация

Главнейшим организационным принципом производственно ориентированной деятельности и обслуживающей ее системы «подготовки кадров» являлось, как известно, территориально-экономическое районирование. Понятие «район» было широко включено в централизованные системы экономики поставка (Gestell у Хайдеггера) и являлось понятием соответствующей теории управления; с ним связаны такие институты административно-распределительной системы народного хозяйства, как территориально-производственный комплекс, экономический район и т. п. Но так организовано и интеллектуальное пространство деятельности, работающей с естественнонаучным комплексом понятий и представлений. Оно точно так же безразлично к экзистенциальным качествам ландшафтов и поселений, так же далеко от архитектурной интуиции и живого чувства. Но, мало того, образовательное интеллектуальное пространство отечественной архитектуры и специально выстраивалось по принципу гомогенности и равномерности, по принципу содержательной энтропии (только за качественным уровнем сохранялась функция различения центра и периферии). Один комплекс знаний и представлений покрывал всю страну. «Места» были лишь инертными «емкостями», «получателями» Единого. В пространстве знания территориально различные «места» страны выглядели абсолютно одинаково, они не присутствовали в этом пространстве. Районы были, но регионов не существовало, ведь этимологически эти слова – отнюдь не синонимы [6].

Регион vs район

Заметной концептуальной антитезой глобализму и всякой унификации вообще становится разработанная в географии и смежных науках парадигма региона. Регион – не столько территория или место, сколько фигура локальной культурной идентичности, представленная в конструктивном ключе, открытая к взаимодействию с другими регионами и лишь благодаря этому имеющая возможность состоять как самобытная единица организации человеческой жизни. Более того, именно включенность в мировую систему «сетей», обретение собственного функционального места в ней позволяет региону осознать и проявить свою уникальность, освободиться от необходимости дублировать или имитировать других [6, 7].

В отличие от района, регион – не столько территориальное, сколько деятельностное и «идейное» понятие

– существует не в физическом пространстве экономгеографии, а в пространстве идей, знаний, методов деятельности, это – «воспроизводственная структура на мировых путях развития» [6, с. 48]. Регионы не назначаются сверху и не обнаруживаются на карте, они создаются, выращаются. Регионализация, до сих пор почти тотально ассоциирующаяся с приватизацией «мест» и местечек, представляет все же по природе своей нечто совсем иное. Регионализация есть процесс диверсификации и переконфигурирования пространства знаний (в частности, лежащего в основании архитектурного образования), процесс выделения новых «островов» и «материков» – регионов – в некогда Едином «океане Соляриса» тотально организованной мысли. И в этом смысле никакой угрозы территориальной целостности регионализация не представляет, напротив, является стратегией поддержания естественных ресурсов разнообразия, без которых, как известно в экологии, целое не выживает: любое единое и монотонное обречено на догматизацию и вырождение. Видимо, события пандемии 2020 года заставят вновь обратиться к идеям регионализации деятельности, причем в мировом масштабе, поскольку громогласно заявленные идеалы Единого очередной раз обнаружили фиктивность.

Топологическое (и топографическое) соответствие так именно понятым регионам тем или иным географическим локальностям – вопрос второстепенный. Присутствие же в так именно понятых регионах архитектурной деятельности и образования содержаний этнографического, историко-культурного, средового, природно-ландшафтного и прочего, значимого для проектной мысли происхождения, – вопрос рабочий, утвердительно решаемый в горизонте повседневной профессиональной нормы существования таких регионов. Указанное понимание регионов позволяет определить сверхзадачи архитектурно-градостроительной деятельности, придает искомый масштаб проектированию региональной школы.

Форма и пустота. Реалии централизованного образования

Обсуждаемое нами, судя по всему, применимо в отношении многих российских центров архитектурного образования – как в смысле осознания оснований, так и в смысле опыта построения на них новых форм и нового содержания. Опыт этот на данный момент неоднозначен. Примером могут служить инициативы автора и его коллег. Все описанные выше соображения и смыслы легли в свое время в основу проекта Центрально-Черноземной архитектурной школы – проекта, поддержанного несколькими программами Минобрнауки России в 2000-х гг. Проект представлял собою достаточно подробное описание потребных дисциплин нового типа, их принципов и их содержания [8, 9]. Возможности, предоставленные ФГОС ВО третьего поколения, позволили эту заявку осуществить в учебном плане специалитета «архитектура» в Воронежском архитектурно-строительном университете (ныне ВГТУ), а последующие ФГОСы не помешали развертыванию его в учебных планах бакалавриата и магистратуры [10]. Особенное внимание было уделено гуманитарно-ориентированным дисциплинам в составе профессионального блока («Методология проектирования», «Семиотика в архитектуре», «Символика и феноменология в архитектуре», «Понимание архитектурной формы и среды» и др., рефлексивным в отношении остального учебного процесса), проблематика региональных и средовых ценностей, их осуществление в архитектурном проектировании сего дня получила отражение во многих учебных курсах. Не все удалось осуществить, но открывшиеся перспективы и лучшее понимание в ходе реализации проекта задачи активно осмысливались инициативным коллективом, выдвигались планы новых этапов.

Однако постепенно новое содержание все более и более становилось заложником крепчайших внешних форм, призванных вернуть образование в стране к измеряемому, а значит, единым стандартам и образцам. Свобода школ остается, как известно, провозглашаемой в центральных документах, но все более... по умолчанию. Контроль над образовательной деятельностью, распространяющийся на неумолимо ширящийся круг аспектов, оставляет в стороне содержание и специфику, поскольку ответственность за их обеспечение (научное, организационное и учебно-методическое) оценивается по тем же общим и негибким параметрам. Формализация схватывает, как всегда, «мертвое», а живое остается делом энтузиастов – факультативным и, по сути, невостребованным. Идентичность, своеобразие школы остаются в одиночестве и тонут в пустоте бюрократической работы, вал которой накрыл преподавателей, заведующих кафедрами, руководителей образовательных программ. Меняется штатный состав, люди стареют, умирают, уходят на более престижные и благодарные работы, подготовленную молодежь трудно оставить в вузе на существующих условиях оплаты труда и при массе скучных, но неизбежных формальных обязанностей. «Добраться» до тающего на глазах содержания или восстановить исходные тезисы школы становится все труднее...

Рефлексия и надежда

Итак, регионы – организованности деятельности и знания, а не территории. Для их организации требуются весьма продвинутые теоретико-методологические представления и рафинированная культура в самых различных сферах деятельности. Популярность слова «регион» не должна вводить в заблуждение: основные работы еще предстоят. И это прежде всего работы в сфере проектной регионалистики, непосредственно выходящей на территории и создающей их самобытность, ведь в этой сфере до сих пор царит разобщенность и конфликт интересов основных участников, который сегодня приходится заново осмысливать в рамках концепции пространственного развития [11]. Можно утверждать: регионы начинают создаваться только сейчас, и этот мировой процесс далек как от завершения, так и от существенных успехов. Очевидно, такое понимание диаметрально противоположно широко распространенному стойкому убеждению в том, что раньше региональная (историко-культурная) самобытность была, а сегодня ее становится все меньше, и что процесс глобализации эту самобытность стремительно сокращает. Возьмем на себя смелость парадоксального, на первый взгляд, суждения: проблема региональной самобытности в архитектуре и градостроительстве еще даже и не поставлена сколь-либо осмысленным образом, и именно угрозы глобализации (каково бы ни было ее конкретное воплощение, ведь глобализацию было бы неосмотрительно сводить к одному лишь америкоцентричному политико-экономическому тренду) позволяют впервые об этой проблеме говорить.

Обсуждаемая нами проблематика, весь обозначенный комплекс идей, судя по всему, не устареют со временем. Возврат к ним неотвратим, если в стране вообще останутся архитектурное, проектное образование. Разумеется, могут временно взять верх совсем иные тенденции, иная политика в отношении архитектурной деятельности и образования – индифферентная, а то и прямо противоположная высказанному в настоящей статье. Такие тенденции, увы, уже проявляются.

Поэтому надежда наша – на осознание необходимости новой, собственной, российской системы рейтингования и оценки деятельности высших творческих школ, поскольку становится очевидно: подчинение заимствованным рейтингам ставит школы, все образование в стране во вторичную позицию, отодвигает на периферию. Из-

вестно: кто разрабатывает и контролирует рейтинговые системы, тот и впереди в соответствующих показателях. Мы успели убедиться, что самое осмысленное и ценное, на что мы всегда делали ставку, удивительно легко и быстро «вымывается», ускользает сквозь сетку формальных категорий. Как и в отношении реальной экономики, реальные ценности образования должны быть наконец осознаны и развернуты.

Литература

1. Хартия МСА/ЮНЕСКО по архитектурному образованию. – Барселона, препринт XIX конгресса МСА, 1996. – С. 1
2. Бердяев Н. А. О власти пространства над русской душой // Бердяев Н. А. Судьба России. – Азбука-Классика, 2016. – 416 с.
3. Разумовский Ф. Большое пространство малого города // Наше наследие. – 1989. – № 6. – С. 30–39
4. Разумовский Ф. Внимая свету и простору // Знание-сила. – 1989. – № 3
5. Григорьева Е. Места силы // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 77
6. Левинтов А. Е. От района к региону: на пути к хозяйственной географии // Вопросы методологии. – № 3. – 1991 [Электронный ресурс]. – <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html> (дата обращения 20.03.2020)
7. Копылов Г. Г. Регион-сеть и региональные программы // Кентавр. – 1993. – № 2 [Электронный ресурс]. – <http://www.kilouma.ru/safia/g-g-kopilov-region-sete-i-regionalenie-programmi/main.html> (дата обращения 20.03.2020)
8. Кармазин Ю. И., Капустин П. В. Тезисы к проекту Центрально-Черноземной региональной архитектурной школы // Центральные и региональные архитектурные школы: материалы Междунар. научн. конференции. – Саратов, 1998. – С. 20–24
9. Kapustin P. V., Karmazin Yu. I. Place Value in the Architectural Creativity and Education Updating // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and Architecture. – № 4 (28). – 2015. – P. 76-91. [Электронный ресурс]. – <http://vestnikvgasu.wmsite.ru/ftpgetfile.php?id=491> (дата обращения 20.03.2020)
10. Капустин П. В. От всеобщего к конкретному: тренды архитектурного образования // Архитектура и строительство России. – 2017. – № 2 (222). – С. 74–79
11. Боков А. О социокультурных предпосылках формирования российского пространства. Треугольник и элита // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 48–49

References

- Berdyayev, N. A. (2016). O vlasti prostranstva nad russkoi dushoi [On the power of the space over Russian soul]. In Sudba Rossii. Azbuka-Klassika.
- Bokov, A. (2017). On socio-cultural prerequisites for formation of Russian space. The triangle and the elite. Project Baikal, 14(52), 48-49. doi:10.7480/projectbaikal.52.1160
- Grigoryeva, E. (2017). Places of strength. Project Baikal, 14(52), 77. doi:10.7480/projectbaikal.52.1169
- Kapustin, P. V. (2017). Ot vseobshchego k konkretnomu: trendy arkhitekturnogo obrazovaniya [From the general to the special: trends of architectural education]. Arkhitektura i stroitelstvo Rossii, 2(222), 74-79.
- Kapustin, P. V., & Karmazin, Yu. I. (2015). Place Value in the Architectural Creativity and Education Updating. Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Construction and Architecture, 4(28), 76-91. Retrieved March 20, 2020 from <http://vestnikvgasu.wmsite.ru/ftpgetfile.php?id=491>
- Karmazin, Yu. I., & Kapustin, P. V. (1998). Tezisy k proektu Tsentralno-Chernozemnoi regionalnoi arkhitekturnoi shkoly [Theses to the project of a Central Black Earth Region architecture school]. Tsentralnye i regionalnye arkhitekturnye shkoly: Proceedings of the International scientific conference, 20-24. Saratov.
- Kopylov, G. G. (1993). Region-set i regionalnye programmy [A network region and regional programs]. Kentaavr, 2. Retrieved March 20, 2020 from <http://www.kilouma.ru/safia/g-g-kopilov-region-sete-i-regionalenie-programmi/main.html>
- Levintov, A. E. (1991). Ot raiona k regionu: na puti k khozyaistvennoi geografii [From a district to a region: on the way to economic geography]. Voprosy metodologii, 3. Retrieved March 20, 2020 from <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1991/3/v913lev0.html>
- Razumovsky, F. (1989a). Bolshoe prostranstvo malogo goroda [A large space of a small town]. Nashe nasledie, 6, 30-39.
- Razumovsky, F. (1989b). Vnimaya svetu i prostoru [Regarding the light and the wide open space]. Znanie-sila, 3.
- UNESCO-UIA Charter for Architectural Education. (1996). Preprint of the XIX UIA Congress, 1. Barcelona